

К. А. Тарасов

Распад Российской империи в ракурсе концепций Б. Андерсона и М. Хроха¹

Традиционно распад империй, в том числе и Российской, объяснялся возрастанием национальных движений. В этом смысле и советская, и «западная» историографии изучали Россию в русле истории колониализма. Исследователи одинаково изображали сопротивление местного населения колониальному правлению империи, чтобы подтвердить его незаконность и продемонстрировать неотъемлемо присущее угнетенным народам стремление к освобождению. Принципиально новый взгляд на национальные движения стал складываться в 80-х гг. XX в. благодаря работам Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, а также Б. Андерсона и М. Хроха, рассматривавших национализм в качестве политического проекта, состоящего из определенной доктрины и основанных на ней практиках в их связи с процессами модернизации.

Эта статья посвящена анализу концепций М. Хроха и Б. Андерсона, теоретические модели которых часто используются исследователями. Применение их на конкретно-историческом материале является важной проблемой для изучения Российской империи позднего периода. Особое внимание будет уделено распаду полиэтничного государства, когда происходит актуализация националистических идей. Статья носит обзорный характер и является лишь первым шагом к подробному исследованию.

Мирослав Хрох — чешский историк, ставший известным после публикации своей книги «Социальные предпосылки национального возрождения

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119), реализуемого на базе Санкт-Петербургского института истории РАН.

в Европе»². С помощью компартивистского анализа он изучает «пробуждение» малых народов. Ученый исходил из определенной исторической укорененности наций. Согласно предложенной Хрохом модели, все национальные движения проходят три стадии: в фазе А возникает интерес небольшой группы национальной интеллигенции к языку, истории и фольклору своего этноса; в фазе В научные достижения трансформируются в идеологические конструкции и распространяются среди образованных слоев, начинается «патриотическая агитация»; наконец, в фазе массового движения (фаза С) большая часть народа под влиянием этих идей мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем и за независимость³.

Достижение политической независимости не всегда подразумевало окончание формирования нации. Оно могло продолжаться и после создания национальных государств, как в случае с чехами, хорватами и поляками⁴.

Собственное исследование М. Хроха в основном посвящено фазе В. Он анализирует социальный состав первых групп активистов и приходит к выводу о доминировании буржуазии на этом этапе национального движения⁵.

Для Хроха важен также тот момент, когда нация переходит из одной фазы к другой по отношению к буржуазной революции и установлению капиталистических отношений. Исходя из этого, он выделяет несколько типов наций. Первый тип ученый назвал «интегрированным» (чехи, норвежцы, финны, в определенной мере эстонцы). Борьба против старого режима совпадает с периодом начала агитации национальных активистов. Оба этих движения развивались параллельно, дополняя друг друга.

Второй тип, который выделил М. Хрох, он назвал «запаздывающим» (словаки, литовцы). В этом случае патриотическая пропаганда начинается до буржуазной революции, но переход к массовому национальному движению затягивается.

При «повстанческом типе» переход к фазе С происходит до буржуазной революции. В этом случае он сопровождался вооруженной борьбой против доминирующей нации, и нация формируется еще до наступления капитализма.

При «дезинтегрированном» типе национального движения (фламандское) патриотическая пропаганда начинается уже после перехода от феодализма к капитализму. Такой поздний переход приводил либо к позднему формированию нации, либо вообще не вел к нему.

Таким образом, по мнению М. Хроха, для формирования нации необходимо сочетание национальной пропаганды и объективных социально-экономических

² *Hroch M. Social Precondition of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge; London; NY, 1985.*

³ *Ibid.* P. 23–24.

⁴ *Ibid.* P. 28.

⁵ *Hroch M. Social Precondition of National Revival in Europe. P. 177.*

условий⁶. Уровень национализма начинает расти в период индустриализации. Принятие модернизационного курса приводит к вовлечению в политическую сферу более широких социальных групп, каждая из которых мобилизуется своими интеллектуалами. Для финнов, эстонцев и литовцев таким слоем стали прежде всего учителя, что увеличило значение сельской школы в их национальном движении⁷.

Концепция Хроха не претендовала на универсальность, и он сам призывал к ее дополнению. Его в первую очередь интересовали «объективные факторы» в формировании национального движения. Тем не менее представляется, что субъективным также следует уделить внимание.

В случае Российской империи нужно признать, что политика имперских властей оказывала значительное влияние на радикализм национальных движений. В частности, пресловутая политика «русификации» позволяла найти активистам «малых народов» большую поддержку среди населения.

Это хорошо видно на примере Великого княжества Финляндского. В 1899 г. вышел манифест, который предоставил российскому правительству право издавать без одобрения местного сейма законы, имевшие общегосударственное значение. В ответ на манифест студенты, которые играли центральную роль в национальном движении, разъехались по всей стране и начали собирать подписи под Большим адресом, в котором была выражена озабоченность финского народа решением императора. Всего удалось собрать 523 тыс. подписей. Такой результат можно признать значительным при численности населения Великого княжества Финляндского чуть более 2,5 млн человек⁸. Таким образом, событие, которое можно интерпретировать как важнейшее для перехода из фазы В в фазу С (массовой мобилизации) было реакцией на изменение внутренней политики имперских властей.

Как показала Д. А. Аманжолова, ошибки в переселенческой политике привели в начале XX в. к серьезному обострению межнациональных отношений в степных областях, населенных киргизами (так называли в Российской империи казахов), что стало важной составляющей этнополитических процессов в прежде казавшейся одной из самых «умиротворенных окраин»⁹. В этом же смысле поводом для неоднозначно трактуемого восстания в Средней Азии в 1916 г. послужило распоряжение о мобилизации на окопные работы местного населения¹⁰.

⁶ Hroch M. Social Precondition of National Revival in Europe. P. 178.

⁷ Ibid. P. 66–67, 82, 90.

⁸ Клине М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 406; Turpeinen O. Venäjänkielisten määärä Suomessa vuonna 1900 // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Helsinki, 1986. S. 21–28.

⁹ Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш (1905–1920). М., 1994.

¹⁰ Различные интерпретации этого события см.: Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 301–308; Булдаков В. П. Хаос и этнос.

По мнению А. И. Миллера, после объединения Германии власти Российской империи, признавая опасность немецких претензий на балтийское побережье, были вынуждены изменить свою политику в отношении населения этих территорий и использовали рост национализма среди латышей и эстонцев ради ослабления роли прибалтийских немцев¹¹.

С другой стороны, А. Каппелер отметил, что «российская репрессивная политика» значительно затормозила переход украинцев и белорусов от «культурной фазы» А к «политической фазе» В. Он наступил с запаздыванием по сравнению, например, с финнами¹².

В связи с этим представляется невозможным изучение процессов складывания нации вне контекста имперской национальной политики по отношению к тому или иному региону или народу. Власти пытались оказывать влияние на национальные движения в целях сохранения империи. В каких-то случаях это было успешным, в других они потерпели неудачу.

Не менее важной является роль соседних империй, границы которых пересекали родственные или близкие этнические группы. Поскольку условия для проживания разделенных народов были разными, имели место важные культурные контакты между ними. Когда было запрещено обучение в университетах на национальных языках, часть поляков из России и Германии предпочли получить образование на родном языке в более благоприятных условиях Австро-Венгрии. Культурный центр поляков в конце XIX — начале XX в. перемещается из Варшавы во Львов и Краков¹³.

После Эмского указа 1876 г., направленного против распространения украинского языка в Российской империи, вся культурная жизнь украинской интеллигенции переместилась в австро-венгерскую Галицию. По мнению А. И. Миллера, «именно в Галиции переход украинской политической мысли к идее независимости произошел на рубеже веков, то есть на два десятилетия раньше, чем в российской части Украины»¹⁴.

В Малой Литве, исторической области, находившейся в составе Германии, после запрета в Российской империи на латинский шрифт в литовской печати началось «движение книгонош», тайно перевозящих через границу печатные

Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 128–134; *Morrison A.* Metropole, Colony, and Imperial Citizenship // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. N 2. P. 358–359.

¹¹ *Berger S., Miller A.* Introduction: Building nations in and with empires — a reassessment // *Nationalizing empires*. Budapest, 2015. P. 15.

¹² *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. С. 166.

¹³ *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи. С. 15–21.

¹⁴ *Миллер А. И.* Россия и русификация Украины в XIX в. // *Россия–Украина: история взаимоотношений*. М., 1997. С. 149.

издания в соседние литовские регионы, и там распространяющих их¹⁵. Тем самым удалось сохранить традиционную письменность, а также консолидировать разделенный народ.

Таким образом «внешние» факторы становления наций, когда «культурный центр» того или иного народа мог быть перенесен за границу, являлись важнейшей силой, дестабилизирующей многонациональное государство.

Важным вопросом для М. Хроха являлось формирование элиты у «малых народов», которые изначально были ее лишены. Фаза С подразумевает в том числе создание полноценной социальной структуры¹⁶. Исследователь сосредоточивает внимание на трансформациях, происходивших в среде элит и ведущих к созданию и восприятию националистических идей. Безусловно, при анализе национальных движений необходимо пристальное внимание уделять элитам как ведущей силе массовой мобилизации. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что некоторая их часть не была заинтересована в национальном самоопределении. Это можно видеть на ряде примеров.

В. Ф. Верстюк отмечал, что те круги, которые инициировали гетманский переворот в Украине и стали социальной базой нового режима (крупные помещики, предприниматели и финансисты) «ставили экономические интересы выше национальных»¹⁷. В конечном итоге, когда немецкий оккупационный режим ослаб, П. П. Скоропадский открыто высказался за федерацию с будущей демократической Россией¹⁸. В Финляндии в 1917 г. буржуазные партии последовательно выступали за сотрудничество с Временным правительством. Они высказывались за упрочение положения Сената и выдвигали вопрос о полной независимости, в отличие от финских социал-демократов¹⁹.

Такое поведение части элиты можно связывать с определенной экономической выгодой единого имперского пространства. Историк В. Сиполс подчеркивал, что буржуазия Латвии «до ноября 1917 года единодушно высказывалась за сохранение Латвии в составе России». В своей работе он привел слова одного из лидеров местной крупной буржуазии А. Берга: «Наши экономические и культурные интересы требуют, чтобы мы были подданными Российского государства, чтобы наша промышленность не была лишена возможности исполь-

¹⁵ *Kaluškevičius B., Misius K.* Lietuvos knygnešiai ir daraktoriai 1864–1904. Vilnius, 2004. P. 7–11. Подробнее о реформе языка см. *Сталюнас Д.* Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 225–254.

¹⁶ *Hroch M.* Social Precondition of National Revival in Europe... P. 26.

¹⁷ *Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П.* Українські проекти в Російській імперії. К., 2004. С. 453.

¹⁸ *Солдатенко В. Ф.* Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 145.

¹⁹ *Кетола Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: Два взгляда на проблему // *Отечественная история*. 1993. № 6. С. 29; *Булдаков В. П.* Хаос и этнос... С. 405.

зывать природные богатства России и не была оторвана от ее рынков»²⁰. Конечно, эту цитату А. Берга не стоит абсолютизировать. Но она наводит на мысль, что на национальных окраинах буржуазия и помещики могли быть тем слоем населения, который выступал за единство с Россией.

А. Каппелер, наиболее последовательно применявший подход М. Хроха на материалах Российской империи, в более поздней работе вынужден был признать, что только небольшая часть национальных движений в период до 1914 г. стала массовой. Кроме того, цель создания отдельного государства ставили перед собой только поляки и отчасти финны²¹. Крах империи он объяснял обострившимися в результате Первой мировой войны социальными и политическими противоречиями в центре²².

В этом смысле он следовал за концептуальными выводами Р. Г. Суни, который спорил с советской историографией, объяснявшей этнические конфликты социально-экономическими предпосылками. По мнению американского историка, только изучение классовой и этнической идентичностей во взаимосвязи могут пролить свет на события 1917–1920 гг.²³ В другой своей работе Р. Г. Суни отметил, что на коллапс империи воздействовали два фактора: делегитимационный эффект национализма и демократии²⁴.

Можно отметить, что всплеск национальных движений приходился на периоды революций 1905–1907 и 1917–1920 гг. М. Хрох отмечал, что фаза С была достигнута у латышей и литовцев только во время революции 1905 г.²⁵, а А. Каппелер называл первую российскую революцию «весной народов»²⁶. В этот период появились и начали активно действовать национальные политические партии²⁷.

²⁰ *Сиполс В. Я.* Кем и как была создана буржуазная Латвия // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 26.

²¹ Сюда стоит добавить некоторые литовские политические круги (Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 442–443; *Постников Н. Д.* Политические партии Прибалтики // История национальных политических партий России: Материалы международной конференции. М., 1997. С. 181; *Митрулявичюс Г.* Социал-демократия Литвы и России: некоторые аспекты взаимоотношений в конце XIX в. — первой четверти XX в. // Социал-демократия в российской и мировой истории. Обобщение опыта и новые подходы. М., 2009. С. 168).

²² *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 395.

²³ *Suny R. G.* The Revenge of the Past: Nationalism, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993. P. 1–19.

²⁴ *Суни Р. Г.* Империя как таковая: имперская Россия, «национальная» идентичность и теория империи // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 48.

²⁵ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 126.

²⁶ *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя... С. 242.

²⁷ См. История национальных политических партий России: Материалы международной конференции. М., 1997.

Аналогичную картину можно наблюдать в 1917 г. В конечном счете именно социалистическим партиям удавалось возглавить национальное движение за провозглашение автономии, а позже и за независимость²⁸. Этот вывод можно сделать по отношению к ряду случаев.

Особую роль в национальном движении финнов играла партия активного сопротивления («активисты»). Часть ее членов разрабатывались планы освободительного восстания в Финляндии²⁹. Однако в период 1917 г. финская социал-демократия оказалась главной политической силой, выступавшей за национальную самостоятельность, расширение автономии Финляндии, ее самоопределения³⁰. Аналогично некоторые круги грузинской элиты сотрудничали с Германией в период Первой мировой войны. Ими был даже создан грузинский легион на территории Османской империи. Однако он был немногочислен и вскоре оказался распущен³¹. Ведущую же роль в политической жизни в Грузии периода революции играли грузинские меньшевики³². То же значение имела армянская партия Дашнакцутюн, сочетавшая принципы социализма и национализма³³. Р. Г. Суни отметил противостояние национализма и социализма в борьбе за лояльность рабочих и крестьян в прибалтийских и украинских губерниях³⁴.

Социализм является идеологией массовой мобилизации в той же степени, что и национализм. На примере Российской империи видно, что он составлял определенную конкуренцию национализму в этом вопросе.

В более поздней статье М. Хрох писал, что в период революции «ослаблились традиционные связи, поэтому возрастала тяга к новой коллективной идентичности»³⁵. Национализм, по его мнению, «служит в распадающемся

²⁸ *Волбуев О. В.* К вопросу о классификации национальных партий // Там же. С. 288.

²⁹ *Холодковский В. М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 203–204; *Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. Хельсинки; СПб., 2013. С. 183–185. См. также: *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

³⁰ *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 131–142; *Кетола Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: Два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. С. 29; *Вихавайнен Т.* Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX — начало XX века): Международный коллоквиум. Научные доклады. Санкт-Петербург, 25–28 июня 2007 г. СПб., 2007. С. 62.

³¹ *Fischer F.* Germany's Aims in the First World War. NY, 1967. P. 135; *Булдаков В. П.* Хаос и этнос... С. 59.

³² *Suny R. G.* The Making of the Georgian Nation. Stanford, 1988. P. 192.

³³ *Hovannisian R. G.* The Republic of Armenia: The first year, 1918–1919. Berkley; Los Angeles, 1971. P. 18–19, 40.

³⁴ *Suny R. G.* The Russian empire // After Empire. Multiethnic Societies and Nation-building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires. Boulder, 1997. P. 150.

³⁵ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации... С. 138.

обществе субститутом интеграционных факторов. Когда терпит крах общество, последней опорой начинает казаться нация»³⁶. Это замечание очень важно именно для периода революционных потрясений XX в.

В связи с этим неудивительно, что в периоды ослабления центральной власти, нарастания экономического кризиса периода революций национальная идентичность становится более актуальной, чем в предшествующие годы. В некоторых случаях это способ самозащиты в неспокойное революционное время. С. М. Исхаков сделал вывод, что территориальные объединения мусульман России не имели своей целью выделение из состава большого государства. По его мнению, «увидев расползание хаоса в государстве, они пытались организовать собственными силами, чтобы не погибнуть в хаосе гражданской войны»³⁷. Эта мысль довольно четко прослеживается в III Универсале Украинской Центральной рады, по которому в ноябре 1917 г. провозглашалась украинская автономия: «На севере, в столицах идет междоусобная и кровавая борьба. Центрального правительства нет, и по государству распространяется безвластие, беспорядок и разруха. Наш край также в опасности. Без власти, сильной, единой, народной, Украина тоже может упасть в бездну междоусобицы, резни, упадка»³⁸. В связи с этим можно поставить вопрос о том, что формирование независимых от ослабленного центра институтов самоуправления могло быть попытками поддержания порядка.

Следует обратить внимание, что ряд заявлений о независимости последовали сразу после прихода к власти большевиков. В связи с этим можно в определенной мере согласиться с мнением В. П. Булдакова, что «послеоктябрьский сецессионизм носил характер бегства от большевистской смуты»³⁹.

Активизация национальных движений в революционный период может свидетельствовать о том, что они развивались в скрытой форме и их генезис не всегда поддается анализу с использованием подхода, предложенного М. Хрохом. В этом смысле более продуктивным может быть обращение к идеям Б. Андерсона, концентрирующимся на культурных основах становления наций.

Б. Андерсон в своей работе «Воображаемые сообщества» рассматривал нацию через призму конструктивистского подхода⁴⁰. Для него, в отличие от М. Хроха, не существует исторических корней нации. Исследование

³⁶ Цит. по: *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 274.

³⁷ *Исхаков С. М.* Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане // 1917 в судьбах России и мира. Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 230.

³⁸ Цит. по: *Солдатенко В. Ф.* Гражданская война в Украине. С. 61.

³⁹ *Булдаков В. П.* Война империй и кризис имперства: к социокультурному переосмыслению // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 417. Аналогичную точку зрения высказывает А. И. Миллер (*Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 191).

⁴⁰ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.

Б. Андерсона посвящено не тому, какие социальные и политические изменения способствовали «пробуждению» наций. Его интересовало то, какие культурные изменения, произошедшие в модерный период, привели к возможности помыслить нацию.

Как конструктивист Б. Андерсон считал, что не нация порождает национализм, а наоборот. При этом для него национализм не столько является идеологией, как либерализм и социализм, сколько «большой культурной системой». Ученый ставил его в один ряд с таким явлением, как религиозная общность⁴¹. Особое внимание он уделил комплексу представлений, тех символов и мифов, которые создают нацию. Нация, по Андерсону, является «воображаемым сообществом», поскольку все ее члены никогда не смогут узнать большинство своей нации, в то время как они могут ощущать общность с ними⁴². В головах людей возникает преемственность прошлого и будущего через образ нации⁴³.

«Вообразить» единую нацию становится возможным благодаря развитию «книгопечатного капитализма», т.е. когда производство книг и газет переходит на уровень массового производства. Б. Андерсон писал, что «печатные языки заказывали основу национального самосознания»⁴⁴.

Важным аспектом подхода Б. Андерсона является внимание к языку. Через общий язык становится возможным национальное единение. Благодаря развитию печатной культуры происходит стандартизация и фиксация, в ходе которой диалекты уступают место тому из них, который представляет центр. Те диалекты, которые не получили в определенный период возможности стать языком печати, постепенно утрачивают свой статус.

Б. Андерсон в своей работе концентрировался на инклюзивном национализме, т.е. на том, как незнакомые между собой люди осмысляются как некое сообщество. Однако для анализа ситуации в таком полиэтничном государстве, как Российская империя, где компактно проживало разнообразное население, необходимо учитывать и эксклюзивный национализм — формирование идентичности через оппозицию «мы—они», «свой—чужой» — через установление внешних границ группы. Без этого фактора становятся неясными сложности с созданием национального государства на определенной территории⁴⁵. Образ

⁴¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 19–20.

⁴² Там же. С. 31.

⁴³ Там же. С. 35.

⁴⁴ Там же. С. 47.

⁴⁵ В своем исследовании Б. Андерсон рассуждал об осознании «параллельного» существования Старого и Нового света, что способствовало зарождению национализмов в последнем. Важнейшим фактором он называл именно значительную пространственную оторванность заморских колоний от метрополий (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 204–208). В случае Российской империи как раз компактное проживание народов являлось важным дестабилизирующим фактором.

«другого» как элемент формирования идентичности имеет обширную историографию⁴⁶.

В качестве «другого» на национальных окраинах выступала российская бюрократия, армия и другие агенты имперского влияния. Начавшееся после восстания 1863 г. активное привлечение чиновников из русских губерний в Польшу являлось попыткой интегрировать эти земли в имперский организм. Это не могло не вызывать негативные чувства у поляков. Однако Л. Е. Горизонтов отметил не столько озлобление по отношению к русской администрации польских губерний, сколько пренебрежение к ним. В них видели «ремесленников», взяточников и пьяниц, в отличие от польских чиновников⁴⁷.

Русская армия также являлась своеобразным символом имперской власти⁴⁸. Хотя изначально в быту между русскими военнослужащими и местным населением не было серьезных конфликтов, отношение к чиновникам стало переноситься и на армию тоже. Накануне войны в финских газетах русские солдаты выставлялись в неприглядном свете⁴⁹. Вскоре начали отмечаться случаи нападения на военнослужащих с камнями и даже их обстрел⁵⁰. Не случайно одним из гарантов своей независимости финляндские политики считали скорейший вывод русских войск со своей территории⁵¹.

Кроме имперских институтов образ «другого» возникает в результате межэтнического взаимодействия. Хорошим примером исследования в рамках этого подхода является работа К. Бучовского «Литвоманы и полонизаторы». Ученый пришел к выводу о существовании двух литовских национальных движений. Представители первого («старолитовцы», или «полонизаторы») культурно ориентировались на Польшу и предпочитали пользоваться польским языком. «Младолитовцы», или «литвоманы» находились под воздействием образа польского народа, изменившегося с течением времени на негативный. В связи с этим они противились «полонизации» и говорили только на литовском⁵².

⁴⁶ Классическим трудом по этому вопросу стала книга под редакцией норвежского антрополога Ф. Барта «Этнические группы и социальные границы» (Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006). См. также: Сауд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006; Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

⁴⁷ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 183.

⁴⁸ Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997. P. 406.

⁴⁹ Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 2008. С. 38–41.

⁵⁰ Там же. С. 45.

⁵¹ Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе... С. 195.

⁵² Buczowski K. Litwomani i polonizatorzy: Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku. Białystok, 2006. S. 81–82.

Исследователями отмечалось взаимное недоверие и взаимное отчуждение остзейских немцев и эстонцев и латышей⁵³. По мнению Н. С. Андреевой, эстонское и латышское «национальное движение было направлено против определяющего влияния немецкого меньшинства в жизни края, большое внимание при этом уделялось развитию национальной культуры»⁵⁴. Его активисты пытались добиться уравнивания политических прав эстонцев и латышей с немцами. Усугубляли положение половинчатые меры в отношении остзейцев в годы перед войной. С одной стороны, правительство желало уменьшить их влияние за счет усиления позиций прибалтийских народов. С другой, опасалось, что это может привести к росту сепаратизма в этом регионе⁵⁵. Неудивительно, что в период революции 1905–1907 гг. и Первой мировой войны наблюдались массовые межнациональные конфликты⁵⁶. Во втором случае среди патриотично настроенных эстонцев и латышей распространилось убеждение, что русские чиновники способствуют «немецкому засилью», после того как те пытались оградить остзейцев от беспочвенных в своем подавляющем большинстве обвинений в шпионаже и измене⁵⁷.

При этом отмечается мирное сосуществование крестьян-переселенцев и местного населения на востоке Российской империи. Даже в восстании 1916 г. В. П. Булдаков виноватыми считал местную администрацию и крестьян-переселенцев новой волны. По его мнению, против старожилов-европейцев местное население не выступало⁵⁸. О. И. Брусина отметила даже определенное культурное взаимовлияние между колонистами и автохтонами⁵⁹. Однако более важным выводом исследователя является то, что «потомки двух восточнославянских народов консолидировались в единую группу, и это произошло в значительной мере вследствие контактов с далекими по своим культурным нормам и традициям коренным азиатским населением: по сравнению с ним различия между русскими и украинцами казались несущественными»⁶⁰.

Аналогичная ситуация имела место в Сибири. Несмотря на то что костяк крестьян-переселенцев составляли выходцы из украинских губерний, они «де-

⁵³ *Энгель-Браунмидт А.* Прибалтийские немцы о себе и о других // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова.* Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 325–326.

⁵⁴ *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008. С. 78.

⁵⁵ Там же. С. 263.

⁵⁶ *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи. С. 90–93.

⁵⁷ *Булдаков В. П.* Хаос и этнос... С. 70–71.

⁵⁸ Там же. С. 130.

⁵⁹ *Брусина О. И.* Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX в. М., 2001. С. 143–147.

⁶⁰ Там же. С. 193–194.

монстрировали бóльшую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности»⁶¹.

Образ «другого» в становлении национальной идентичности может выступать как в качестве инклюзивного фактора в отношении родственных народов, так и как эксклюзивный по отношению к тем народам, с которыми в силу тех или иных причин «малый народ» находится в конфронтации.

Важным дополнением к концепции Б. Андерсона могут являться исследования в области воображаемой географии или ментальной картографии⁶². Ученые, работающие в этом русле, понимают «ментальные карты» как субъективное внутреннее представление человека о части окружающего пространства⁶³. Это направление получило особую популярность после публикации уже упоминавшейся книги Э. Саида, где использовался термин «воображаемая география» (в русском переводе «имагнативная»). Саид изучал восприятие пространства, порожденного определенными дискурсами, текстами и изображениями⁶⁴.

Однако в той же степени, в какой воображаемая география используется для восприятия «другого», она важна для формирования национальной идентичности.

Уже плодотворно изучается «присвоение пространства» применительно к русской национальной территории⁶⁵. Вывод о том, что она, с одной стороны, не соответствует всему пространству империи, а с другой не совпадает с границами современной России, является принципиально важным. Эти исследования позволили поставить под сомнение утверждение Б. Андерсона о том, что власти стремились сделать из Российской империи русское национальное государство («натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи»)⁶⁶. Важной задачей является проблематизация национальной территории других народов Российской империи, претендовавших на независимость в 1917–1920 гг.

⁶¹ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 69–70.

⁶² В работе Б. Андерсона основное внимание посвящено карте как своеобразному институту власти, той роли, которую они играют для объединения государства (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 188–196).

⁶³ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм... С. 16–17.

⁶⁴ Работы, которые явно были вдохновлены этой книгой: *Todorova M. Imagining the Balkans*. NY, 1997; *Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М., 2003.

⁶⁵ См.: *Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge, NY, 1999; *Ремнев А. В. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX — начало XX века // Российская империя в сравнительной перспективе*. М., 2004. С. 286–319; *Миллер А. И. Империя Романовых и национализм... С. 147–170; Gorizontov L. The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington, 2007. P. 67–93.

⁶⁶ *Андерсон Б. Воображаемые сообщества*. С. 24.

На карте Российской империи мы не найдем ни Литвы, ни Казахстана, ни других современных политических образований. Поэтому сами по себе претензии «малых народов» на национальную территорию могли говорить об определенной зрелости национального движения. Эстонское и латышское население было разделено между тремя губерниями: в Эстляндской доминировали эстонцы, в Курляндской — латыши, Лифляндия имела смешанное эстонско-латышское население. Долгое время о «своей земле» эти народы могли говорить с большой натяжкой. Сам по себе термин «Latvija» относится только к концу XIX в.⁶⁷ Объединения «исторических земель» эстонские политики смогли добиться только от Временного правительства в 1917 г.⁶⁸

Территоризация Украины стала одним из дискуссионных вопросов во взаимоотношениях Центральной рады и Временного правительства в 1917 г. Первые говорили об Украине в составе девяти губерний⁶⁹. Вторые были согласны выделить для украинской автономии только пять⁷⁰. По мнению киевлянина В. В. Шульгина, выступавшего с позиций русского национализма, и подобное решение было большой жертвой⁷¹. В этом противостоянии можно увидеть конкуренцию проекта «большой русской нации» с украинским.

Еще более сложная ситуация обнаруживается на литовско-польском пограничье. Литовцы сохранили свою этническую самобытность в Ковенской и Сувалкской губерниях, в то время как в Виленской, за исключением ее западной части, происходила их ассимиляция поляками⁷². Однако независимая Литва рассматривала Вильно (Вильнюс) как важный культурный и исторический центр, отсылавший ко времени существования Великого княжества Литовского⁷³.

⁶⁷ Грабис Р. Я. Я. Эндзелин и развитие латышского языкознания // Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Рига, 1973. С. 3–12.

⁶⁸ Паюр А. Рождение манифеста о независимости Эстонии // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. Специальный выпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Тарту; Таллинн, 2006. С. 107.

⁶⁹ Киевская, Подольская, Волынская, Полтавская, Черниговская, Харьковская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая. Петроградские украинские деятели в своем меморандуме в апреле 1917 г. добавляли также к этим территориям части Воронежской, Курской, Бессарабской губерний. Высказывались также претензии на Кубанскую область (Памятная записка комитета Украинской Национальной Рады в Петрограде Временному правительству. Апрель 1917 г. // Исторический архив. 1997. № 2. С. 37–42).

⁷⁰ Бондаренко Д. Я. Взаимоотношения Временного правительства и Украинской центральной рады. Одесса, 2004. С. 132.

⁷¹ Там же. С. 134.

⁷² Подробнее см.: Гаучас Я., Видугирис А. Этнолингвистическая ситуация литовско-белорусского пограничья с конца XVIII — по начало XX в. // География. Т. XIX. Вильнюс, 1968. С. 26–71.

⁷³ Лауринавичюс Ч. Политика литовского буржуазного правительства по вопросу о восточной государственной границе // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 203.

Проект Литвы вступал в противоречие с проектом, появившимся в соседней стране. После того как германские войска были выведены с территории Королевства Польского⁷⁴, власти нового независимого государства заявили свои права на территорию Речи Посполитой в границах до 1772 г.⁷⁵ Ее лидер Ю. Пилсудский в 1919 г. вел переговоры с правительством Литвы о воссоздании Великого княжества Литовского в форме союзного с Польшей государства⁷⁶. В итоге в апреле 1919 г. польские войска заняли Виленский край, который оставался частью Польши до 1939 г.

Таким образом, именно воображаемая география национальной территории была причиной ряда конфликтов периода распада Российской империи. А тот факт, что отстаивать ее готовы были с оружием в руках, возвращает нас к мысли Б. Андерсона о том, что национализм «выступает как своего рода религия современного общества, сулящая человеку бессмертие в вечном существовании нации, к которой он себя причисляет в своем воображении»⁷⁷.

Одним из важнейших оснований национальной идентичности можно считать историческую память. Б. Андерсон писал о том, что унифицированное образование берет на себя функцию конструирования национальной памяти и забвения, а также создания биографии наций как бесконечной цепочки, уходящей в прошлое⁷⁸.

Тема исторической памяти (*memory studies*) очень популярна среди исследователей. Первые работы в этом проблемном поле были напрямую связаны с вопросом национальной идентичности. Идея классического сборника статей «Изобретение традиций» под редакцией Э. Хобсбаума во многом переплетается с концепцией Б. Андерсона⁷⁹. В некоторых случаях осознание общего прошлого гораздо важнее для национальной идентичности, чем лингвистический и религиозный фактор.

Это хорошо видно на примере Украины. Родственность языка и православное вероисповедование не позволяло провести четкую грань между русскими и украинцами. Историк М. С. Грушевский, автор известной «Истории

⁷⁴ Марионеточное государство, созданное Германией из оккупированных в ходе войны польских губерний Российской империи.

⁷⁵ *Roshwald A.* Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, the Middle East and Russia, 1914–23. London; NY, 2002. P. 161; *Troebst S.* ‘Intermarium’ and ‘Wedding to the Sea’: Politics of History and Mental Mapping in East Central Europe // *European Review of History: Revue européenne d’histoire*. 2003. Vol. 10, N 2. P. 301. Однако надо сказать, что этот проект не был единственным. Р. Дмовский отстаивал идею более компактного национального государства (*Wandycz P. S.* Poland’s Place in Europe in the Concepts of Piłsudski and Dmowski // *East European Politics & Societies*. 1990. Vol. 4, N 3. P. 451–468).

⁷⁶ *Гуцин А. В.* Установление восточных границ независимого Польского государства в 1918–1923 гг. // *Вестник РГГУ*. 2012. № 7. С. 57.

⁷⁷ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества... С. 18.

⁷⁸ Там же. С. 221–223.

⁷⁹ *The Invention of Tradition*. Cambridge, 1983.

Украины-Руси», в своих работах доказывал принципиальные исторические и этнические различия украинского и русского народов⁸⁰. Не случайно именно он был избран первым председателем Украинской рады. Анализ различных интерпретаций украинского прошлого, по мнению Э. Когута, может помочь выявить основные этапы развития украинской национальной идентичности⁸¹.

Важный упор на особую историческую идентичность наблюдался и в литовской историографии, стремившейся отделить свою историю от польской. С точки зрения литовских историков конца XIX — первой половины XX в., Великое княжество Литовское представляло собой едва ли не национальное государство, его элита отличалась от польской, а Вильнюс всегда являлся только литовским городом⁸².

Эту же роль для развития финского национального самосознания играло создание лингвистом Э. Лённротом на основе народной мифологии эпоса «Калевала» во второй половине XIX в.⁸³ В тот же период эстонский фольклорист и писатель Ф. Р. Крейцвальд создал национальный эпос «Калевипоэг», повлиявший на развитие эстонского литературного языка⁸⁴.

Важным моментом является также память о былой независимости. Этот компонент выделял М. Хрох в качестве одной из трех предпосылок формирования нации⁸⁵. Однако подобные части национального нарратива также могут быть сконструированы. Начиная с работ первого литовского историка С. Даукантаса, романтизировался образ Великого княжества Литовского⁸⁶. Окон-

⁸⁰ О роли М. С. Грушевского и связанного с ним «Научного общества им. Т. Шевченко» в конструировании исторической памяти см.: *Педич В.* Культурницько-просвітницька діяльність Наукового товариства імені Шевченка початку XX ст. як чинник конструювання історичної пам'яті // *Історія—ментальність—ідентичність*. Вип. IV: Історична пам'ять українців і поляків у період формування національної свідомості в XIX — першій половині XX століття: Колективна монографія. Львів, 2011. С. 181–190. Работы М. С. Грушевского использовал в своих политических целях в период Первой мировой войны Союз освобождения Украины (*Тельвак В.* Історія на служби пропаганди: праці Михайла Грушевського в інформаційній діяльності Союзу Визволення України // Там же. С. 87–95).

⁸¹ *Kohut Z.* The Development of Ukrainian National Historiography in Imperial Russia // *Historiography of Imperial Russia: the Profession and Writing of History in a Multinational State*. NY, 1999. P. 453–473. См. также: *Velychenko S.* National History as Cultural Process. A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writings from the Earliest Times to 1914. Edmonton, 1992.

⁸² *Staliunas D.* From Ethnocentric to Civic History: Changes in Contemporary Lithuanian Historical Studies // *Emerging Meso-areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised?* Sapporo, 2005. P. 312–313.

⁸³ *Мишин А.* «Калевала» Элиаса Лённрота: от фольклорной поэзии к литературной поэме // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск, 2010. С. 11–26.

⁸⁴ *Raun T. U.* Nineteenth- and Early Twentieth-century Estonian Nationalism Revisited // *Nations and Nationalism*. 2003. Vol. 9, N 1. P. 129–147.

⁸⁵ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации... С. 122.

⁸⁶ *Чепайтене Р.* Воспоминания о величии: образ Великого княжества Литовского в исторической памяти современной Литвы // *Український історичний збірник*. 2013. № 16. С. 370.

чательно закрепился исторический нарратив в первые годы независимости Литвы как попытка сохранить независимое государство в период, когда на эти земли претендовала Польша⁸⁷.

Несмотря на то что М. Хрох и Б. Андерсон используют различающиеся между собой подходы к рассмотрению нации, их концепции в определенном смысле являются взаимоопыляемыми. Они помогают рассматривать проблему национальных движений на социальном и культурном, символическом уровнях. Подход М. Хроха удачен при использовании большого количества данных о социальном происхождении, биографиях элиты. Для тех материалов, где мы не обладаем подробными сведениями о массовых движениях, важнейшим автором которых является «великий немой» — крестьянство, можно использовать подход Б. Андерсона. Обе этих концепции позволяют выявить то множество факторов, которые имели место на окраинах Российской империи и способствовали распаду ее полиэтнического пространства. В этом смысле К. Бейли справедливо отметил, что эти концепции стоит рассматривать скорее как приемы интерпретации, нежели теории, дающие всеохватывающее объяснение феномена⁸⁸.

Стоит, однако, критически отнестись к телеологическому компоненту понимания развития империй, присутствующему в концепциях обоих авторов. Появление современных наций на территории Российской империи не всегда было детерминировано предшествующими обстоятельствами. В период, предшествующий распаду, основными действующими лицами оставались национальные элиты. Благодаря сложившимся обстоятельствам (ослабление центра, оккупация, недостаток общегосударственной бюрократии и пр.), они получили возможность реализации собственного национального проекта.

References

- Amanzholova D. A.* Kazakhstkiy avtnomizm i Rossiya. Istoriya dvizheniya Alash (1905–1920). M., 1994.
- Anderson B.* Voobrazhaemye soobshchestva. M., 2001.
- Andreeva N. S.* Pribaltiyskie nemtsy i rossiyskaya pravitel'stvennaya politika v nachale XX v. SPb., 2008.
- Bakhturina A. Yu.* Ukrainy Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.). M., 2004.
- Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, NY, 1999.
- Bondarenko D. Ya.* Vzaimootnosheniya Vremennogo pravitel'stva i Ukrainskoy tsentral'noy rady. Odessa, 2004.
- Brusina O. I.* Slavyane v Sredney Azii. Etnicheskie i sotsial'nye protsessy. Konets XIX — konets XX v. M., 2001.
- Buchowski K.* Litwomani i polonizatorzy: Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polskolitevskich w pierwszej polowie XX wieku. Białystok, 2006.
- Buldakov V. P.* Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg.: usloviya vzniknoveniya, khronika, kommentariy, analiz. M., 2010.
- Buldakov V. P.* Voyna imperiy i krizis imperstva: k sotsiokul'turnomu pereosmysleniyu // Rossiya i Pervaya mirovaya voyna. SPb., 1999. S. 406–418.

⁸⁷ *Вилимас Д.* Великое Княжество Литовское: стереотипы исторической памяти Литвы // *Ab imperio*. 2004. № 4. С. 507–522.

⁸⁸ *Кром М. М.* Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб., 2015. С. 200.

- Chepaytene R.* Vospominaniya o velichii: obraz Velikogo knyazhestva Litovskogo v istoricheskoy pamyati sovremennoy Litvy // *Ukraïns'kiy istorichniy zbirnik*. 2013. N 16. S. 366–392.
- Dubrovskaya E. Yu.* Rossiyskie voennosluzhashchie i naselenie Finlyandii v gody Pervoi Mirivoi voyny. Petrozavodsk, 2008.
- Engel'-Braunmidt A.* Pribaltiyskie nemtsy o sebe i o drugikh // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Mifologiya kul'turnogo prostranstva: K 80-letiyu Sergeya Gennadievicha Isakova*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. S. 318–336.
- Fischer F.* Germany's aims in the First World War. NY, 1967.
- Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh. SPb., 1910.
- Gauchas Ya., Vidugiris A.* Etnolingvisticheskaya situatsiya litovsko-belorusskogo pogranich'ya s kontsa XVIII po nachalo XX v. // *Geografiya*. T. XIX. Vil'nyus, 1968. S. 26–71.
- Gorizontov L. E.* Paradoksy imperskoy politiki: Polyaki v Rossii i russkie v Pol'she. M., 1999.
- Gorizontov L.* The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington, 2007. P. 67–93.
- Grabis R. Ya.* Ya. Endzelin i razvitie latyshskogo yazykoznaniya // *Baltiyskie yazyki i ikh vzaimosvyazi so slavyanskimi, finno-ugorskimi i germanskimi yazykami*. Riga, 1973. S. 3–12.
- Gushchin A. V.* Ustanovlenie vostochnykh granits nezavisimogo Pol'skogo gosudarstva v 1918–1923 gg. // *Vestnik RGGU*. 2012. N 7. S. 50–63.
- Hovannisian R. G.* The Republic of Armenia: The first year, 1918–1919. Berkeley; Los Angeles, 1971.
- Hroch M.* Social Precondition of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge; London; NY, 1985.
- Hroch M.* Ot natsional'nykh dvizheniy k polnost'yu sformirovavsheysya natsii: protsess stroitel'stva natsiy v Evrope // *Natsii i natsionalizm*. M., 2002. S. 121–145.
- Iskhakov S. M.* Pervye shagi Sovnarkoma i rossiyskie musul'mane // 1917 v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya. Ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. M., 1997. S. 207–237.
- Istoriya natsional'nykh politicheskikh partiy Rossii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. M., 1997.
- Kaluškevičius B., Misius K.* Lietuvos knygnešiai ir daraktorai 1864–1904. Vilnius, 2004. P. 7–11.
- Kappeler A.* Obrazovanie natsiy i natsional'nye dvizheniya v Rossiyskoy imperii // *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednykh let*. M., 2005. S. 395–435.
- Kappeler A.* Rossiya — mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie, istoriya, raspad. M., 2000.
- Ketola E.* Revolyutsiya 1917 goda i obretnenie Finlyandiy nezavisimosti: Dva vzglyada na problemu // *Otechestvennaya istoriya*. 1993. N 6. S. 27–45.
- Khobsbaum E.* Natsii i natsionalizm posle 1780 goda. SPb., 1998.
- Kholodkovskiy V. M.* Revolyutsiya 1918 goda v Finlyandii i germanskaya intervensiya. M., 1967.
- Klinge M.* Imperskaya Finlyandiya. SPb., 2005.
- Kohut Z.* The development of Ukrainian national historiography in imperial Russia // *Historiography of imperial Russia: the profession and writing of history in a multinational state*. NY, 1999. P. 453–473.
- Krom M. M.* Vvedenie v istoricheskuyu kompartivistiku. SPb., 2015.
- Laurinavichyus Ch.* Politika litovskogo burzhuaznogo pravitel'stva po voprosu o vostochnoy gosudarstvennoy granitse // *Rossiya i Baltiya: epokha peremen (1914–1924)*. M., 2002. S. 200–224.
- Luntinen P.* The Imperial Russian army and navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997.
- Miller A. I.* Imperiya Romanovykh i natsionalizm. M., 2006.
- Miller A. I.* Rossiya i rusifikatsiya Ukrainy v XIX v. // *Rossiya—Ukraina: istoriya vzaimootnosheniy*. M., 1997.
- Mishin A.* «Kalevala» Eliasa Lennrota: ot fol'klornoy poezii k literaturnoy poeme // «Kalevala» v kontekste regional'noy i mirovoy kul'tury. Petrozavodsk, 2010. S. 11–26.
- Mitruilyavichyus G.* Sotsial-demokratiya Litvy i Rossii: nekotorye aspekty vzaimootnosheniy v kontse XIX v. — pervoy chetverti XX v. // *Sotsial-demokratiya v rossiyskoy i mirovoy istorii. Obobshchenie opyta i novye podkhody*. M., 2009. S. 159–172.
- Morrison A.* Metropole, Colony, and Imperial Citizenship // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13, N 2. P. 327–364.
- Nationalizing empires. Budapest, 2015.
- Novikova I. N.* «Finskaya karta» v nemetskom pas'yanse: Germaniya i problema nezavisimosti Finlyandii v gody Pervoy mirovoy voyny. SPb., 2002.
- Payur A.* Rozhdenie manifesta o nezavisimosti Estonii // *Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. Spetsial'nyy vypusk po istorii Estonii s 17 po 20 vek*. Tartu; Tallinn, 2006. S. 107–123.

Pedich V. Kul'turnits'ko-prosvitnits'ka diyatel'nist' Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka pochatku XX st. yak chinnik konstruyuvannya istorichnoi pam'yati // Istoriya–mental'nist'–identichnist'. Vip. IV: Istorichna pam'yat' ukrainsiiv i polyakiv u period formuvannya natsional'noi svidomosti v XIX – pershiy polovini XX stolittya: kolektivna monografiya. L'viv, 2011. S. 181–190.

Raun T. U. Nineteenth- and early twentieth-century Estonian nationalism revisited // Nations and Nationalism. 2003. Vol. 9, N 1. P. 129–147.

Remnev A. V. Rossiya i Sibir' v menyayushchemsya prostranstve imperii, XIX – nachalo XX veka // Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspective. M., 2004. S. 286–319.

Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, the Middle East and Russia, 1914–23. London; NY, 2002.

Said E. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka. SPb., 2006.

Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii. M., 2007.

Sipols V. Ya. Kem i kak byla sozdana burzhuaznaya Latvija // Novaya i noveyshaya istoriya. 1988. N 5. S. 20–45.

Soldatenko V. F. Grazhdanskaya voyna v Ukraine. 1917–1920 gg. M., 2012.

Staliunas D. From ethnocentric to civic history: changes in contemporary Lithuanian historical studies // Emerging meso-areas in the former socialist countries: histories revived or improvised? Sapporo, 2005. P. 311–331.

Stalyunas D. Identifikatsiya, yazyk i alfavit litovtsev v rossiyskoy natsional'noy politike 1860-kh godov // Ab Imperio. 2005. N 2. S. 225–254.

Suni R. G. Imperiya kak takovaya: imperskaya Rossiya, «natsional'naya» identichnost' i teorii imperii // Gosudarstvo natsiy: imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina. M., 2011. S. 31–87.

Suny R. G. The Making of the Georgian Nation. Stanford, 1988.

Suny R. G. The Revenge of the Past: Nationalism, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

Suny R. G. The Russian empire // After empire. Multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires. Boulder, 1997. P. 142–153.

Syukiyaynen I. I. Revolyutsionnye sobytiya 1917–1918 v Finlyandii. Petrozavodsk, 1962.

Tel'vak V. Istoriya na sluzhbi propagandi: pratsi Mikhayla Grushevs'kogo v iformatsiyniy diyal'nosti Soyuzu Vizvolennya Ukraini // Istoriya–mental'nist'–identichnist'. Vip. IV: Istorichna pam'yat' ukrainsiiv i polyakiv u period formuvannya natsional'noi svidomosti v XIX – pershiy polovini XX stolittya: Kolektivna monografiya. L'viv, 2011. S. 87–95.

The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.

Todorova M. Imagining the Balkans. NY, 1997.

Troebst S. 'Intermarium' and 'Wedding to the Sea': Politics of History and Mental Mapping in East Central Europe // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 2003. Vol. 10, N 2. P. 293–321.

Turpeinen O. Venäjänkielisten määrä Suomessa vuonna 1900 // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Helsinki, 1986. S. 21–28.

Velychenko S. National history as cultural process. A survey of the interpretations of Ukraine's past in Polish, Russian and Ukrainian historical writings from the earliest times to 1914. Edmonton, 1992.

Verstyuk V. F., Gorobets' V. M., Tolochko O. P. Ukrain's'ki proekti v Rosiys'kiy imperii. K., 2004.

Vikhayaynen T. Natsional'noe osvobodzhenie ili sotsial'noe vosstanie? Grazhdanskaya voyna 1918 g. v Finlyandii i natsional'noe samosoznanie // Istoricheskaya pamyat' i obshchestvo v Rossiyskoy imperii i Sovetskom Soyuze (konets XIX – nachalo XX veka): Mezhdunarodnyy kollokvium. Nauchnye doklady. Sankt-Peterburg, 25–28 iyunya 2007 g. SPb., 2007. S. 59–68.

Vilimas D. Velikoe Knyazhestvo Litovskoe: stereotipy istoricheskoy pamyati Litvy // Ab imperio. 2004. N 4. S. 507–522.

Vul'f L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya. M., 2003.

Wandycz P. S. Poland's Place in Europe in the Concepts of Pilsudski and Dmowski // East European Politics & Societies. 1990. Vol. 4, N 3. P. 451–468.

Yussila O. Velikie mify finlyandskoy istorii. Khel'sinki; SPb., 2013.

Список литературы

- Аманжолова Д. А.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш (1905–1920). М., 1994.
Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008.

Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.

Бондаренко Д. Я. Взаимоотношения Временного правительства и Украинской центральной рады. Одесса, 2004.

Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX в. М., 2001.

Булдаков В. П. Война империй и кризис имперства: к социокультурному переосмыслению // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 406–418.

Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.

Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П. Українські проекти в Російській імперії. К., 2004.

Вилимас Д. Великое Княжество Литовское: стереотипы исторической памяти Литвы // *Ab imperio*. 2004. № 4. С. 507–522.

Вихавайнен Т. Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX — начало XX века): Международный коллоквиум. Научные доклады. Санкт-Петербург, 25–28 июня 2007 г. СПб., 2007. С. 59–68.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

Гаучас Я., Видугирис А. Этнолингвистическая ситуация литовско-белорусского пограничья с конца XVIII по начало XX в. // География. Т. XIX. Вильнюс, 1968. С. 26–71.

Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

Грabis P. Я. Эндзелин и развитие латышского языкознания // Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Рига, 1973. С. 3–12.

Гущин А. В. Установление восточных границ независимого Польского государства в 1918–1923 гг. // Вестник РГГУ. 2012. № 7. С. 50–63.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 2008.

История национальных политических партий России: Материалы международной конференции. М., 1997.

Исхаков С. М. Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане // 1917 в судьбах России и мира. Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 207–237.

Канпелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 395–435.

Канпелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000.

Кетола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: Два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005.

Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: Учебное пособие. СПб., 2015.

Лауринавичюс Ч. Политика литовского буржуазного правительства по вопросу о восточной государственной границе // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 200–224.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М., 2006.

Миллер А. И. Россия и русификация Украины в XIX в. // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

Митрулявичюс Г. Социал-демократия Литвы и России: некоторые аспекты взаимоотношений в конце XIX в. — первой четверти XX в. // Социал-демократия в российской и мировой истории. Обобщение опыта и новые подходы. М., 2009. С. 159–172.

Мишин А. «Калевала» Элиаса Лённрота: от фольклорной поэзии к литературной поэме // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск, 2010. С. 11–26.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьяне: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

Паор А. Рождение манифеста о независимости Эстонии // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. Специальный выпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Тарту; Таллинн, 2006. С. 107–123.

Пецич В. Культурницько-просвітницька діяльність Наукового товариства імені Шевченка початку XX ст. як чинник конструювання історичної пам'яті // Історія–ментальність–ідентичність. Вип. IV: Історична пам'ять українців і поляків у період формування національної свідомості в XIX — першій половині XX століття: Колективна монографія. Львів, 2011. С. 181–190.

- Ремнев А. В.* Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX — начало XX века // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 286–319.
- Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.
- Ситолс В. Я.* Кем и как была создана буржуазная Латвия // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 20–45.
- Солдатенко В. Ф.* Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. М., 2012.
- Сталюнас Д.* Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 225–254.
- Суни Р. Г.* Империя как таковая: имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 31–87.
- Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 в Финляндии. Петрозаводск, 1962.
- Тельвак В.* Історія на служби пропаганди: праці Михайла Грушевського в інформаційній діяльності Союзу Визволення України // Історія–ментальність–ідентичність. Вип. IV: Історична пам'ять українців і поляків у період формування національної свідомості в XIX — першій половині XX століття: Колективна монографія. Львів, 2011. С. 87–95.
- Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
- Холодковский В. М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.
- Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 121–145.
- Чепайтене Р.* Воспоминания о величии: образ Великого княжества Литовского в исторической памяти современной Литвы // Український історичний збірник. 2013. № 16. С. 366–392.
- Энгель-Браунмидт А.* Прибалтийские немцы о себе и о других // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 318–336.
- Юссила О.* Великие мифы финляндской истории. Хельсинки; СПб., 2013.
- Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, NY, 1999.
- Buchowski K.* Litwomani i polonizatorzy: Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polskolitevskich w pierwszej połowie XX wieku. Białystok, 2006.
- Fischer F.* Germany's aims in the First World War. NY, 1967.
- Horizontov L.* The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington, 2007. P. 67–93.
- Hovannisian R. G.* The Republic of Armenia: The first year, 1918–1919. Berkley; Los Angeles, 1971.
- Hroch M.* Social Precondition of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge; London; NY, 1985.
- Kaluškevičius B., Misius K.* Lietuvos knygnešiai ir daraktoriai 1864–1904. Vilnius, 2004. P. 7–11.
- Kohut Z.* The development of Ukrainian national historiography in imperial Russia // *Historiography of imperial Russia: the profession and writing of history in a multinational state*. NY, 1999. P. 453–473.
- Luntinen P.* The Imperial Russian army and navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997.
- Morrison A.* Metropole, Colony, and Imperial Citizenship // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13, N 2. P. 327–364.
- Nationalizing empires. Budapest, 2015.
- Raun T. U.* Nineteenth- and early twentieth-century Estonian nationalism revisited // *Nations and Nationalism*. 2003. Vol. 9, N 1. P. 129–147.
- Roshwald A.* Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, the Middle East and Russia, 1914–23. London; NY, 2002.
- Staliūnas D.* From ethnocentric to civic history: changes in contemporary Lithuanian historical studies // *Emerging meso-areas in the former socialist countries: histories revived or improvised?* Sapporo, 2005. P. 311–331.
- Suny R. G.* The Making of the Georgian Nation. Stanford, 1988.
- Suny R. G.* The Revenge of the Past: Nationalism, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.
- Suny R. G.* The Russian empire // *After empire. Multiethnic societies and nation-building*. The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires. Boulder, 1997. P. 142–153.

The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.

Todorova M. Imagining the Balkans. NY, 1997.

Troebst S. 'Intermarium' and 'Wedding to the Sea': Politics of History and Mental Mapping in East Central Europe // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 2003. Vol. 10, N 2. P. 293–321.

Turpeinen O. Venäjänkielisten määrä Suomessa vuonna 1900 // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Helsinki, 1986. S. 21–28.

Velychenko S. National history as cultural process. A survey of the interpretations of Ukraine's past in Polish, Russian and Ukrainian historical writings from the earliest times to 1914. Edmonton, 1992.

Wandycz P. S. Poland's Place in Europe in the Concepts of Piłsudski and Dmowski // East European Politics & Societies. 1990. Vol. 4, N 3. P. 451–468.